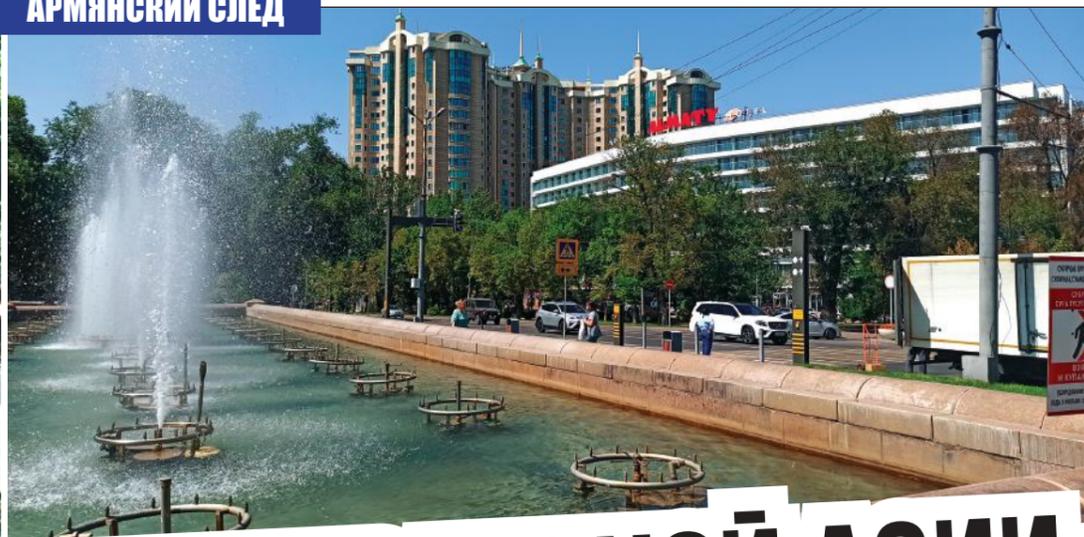

АРМЯНСКИЙ СЛЕД

АРМЯНСКИЙ СЛЕД ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: КАЗАХСТАН

Самый длинный по протяженности мой полет длился 14 часов – из Москвы в Куала-Лумпур. Самый короткий – 25 минут. Из Бишкека в Алматы. Учитывая, что летать я не люблю, то это был самый приятный полет. Ну, а полет в Казахстан – приятнее вдвойне. Это страна для меня особенная, так как многое с ней связывает.

АУЛЬСКИЙ УЧИТЕЛЬ

Впервые в Казахстане я оказался после страшных погромов в Баку. Нам пришлось оставить свою квартиру, нажитое имущество и отправиться в Казахстан. Здесь жил со своей семьей мой дядя Эдик. Денег у нас не было. Армян в Азербайджане увольняли с рабочих мест, дома и квартиры наши не покупали. Азербайджанцы были уверены, что не только силой, как в Сумгаите, но и психологически можно надавить на армян так, что они сами оставят свои дома и уберутся в свои. И были правы. Дядя Эдик выслал нам деньги на дорогу. Мы с мамой, дедом и болонкой Томкой вылетели в Казахстан. Был декабрь. Вся наша семья была одета по–декабрьски. Но по «бакинскому декабрю», когда на улице +10°C. Мы и не предполагали, что в это время года в Северном Казахстане –25°C. К тому же до дома дяди, который находился в ауле, нужно было ехать на машине еще 400 км. За окном жуткий мороз, местами буран. Было холодно и страшно от неизвестности. Одновременно и понимали, что самое страшное осталось позади – в Баку. Главное, выжили и находимся пусть в мерзлоте, но в безопасности. Понимала это и Томка. До последнего собака испытывала стресс. В ее глазах можно было прочитать: «Оставят меня или заберут с собой?!». Она понимала, что хозяева уезжают навсегда. И нужно было видеть, как те же собачьи глаза наполнились радостью, когда мы посадили Томку в машину и в сопровождении бронетранспортеров направились в аэропорт. Поэтому 25–ти градусный мороз мог показаться Томке карибской жарой в объятиях хозяев. Поступить иначе мы не могли. В те годы в Баку преследовались не только армяне, но и их домашние животные. Сам был свидетелем, как однажды в Томку полетел камень от местного ребятишки, кричащей: «Vurun, vurun! Viermœniitidir» (азерб. «Бейте, бейте ее. Это собака армян»). Томка увернулась от камня. Я схватил ее и забежал в дом. Так что наша собака тоже стала беженкой, и все мы нашли пристанище в далеком и холодном казахстанском ауле Костанайской области.

Дядя Эдик был хлебосольным человеком. В его доме почти каждый вечер были люди, многие из которых приходили просто поглазеть на нас, поговорить с нами. Как в последующем оказалось, всем им нравился наш бакинский говор –

Свято–Вознесенский Кафедральный собор в Алматы

Памятник рок–исполнителю Виктору Цою

тянучий, акающий, мелизматический. Но больше всех мне запомнилась старушка баба Шура. Вечерами она приходила к дяде познакомиться с его детьми и одновременно постоянно что–то вязала. Мое внимание привлекала внешность бабушки Шуры. Она была необычна для людей этих степей. Да и на славянка не особо смахивала, хоть и называлась Александрой Григорьевной Новиковой. Однажды, я у нее спросил:

– Баба Шура, а кто вы по национальности? На казашку не похожи. Да и на русскую тоже. Вы еврейка?

Старушка улыбнулась, ответила:

– Нет, не еврейка. Армянка. По папскому – Шушанна Геворковна. Муж мой был Новиковым.

– Ого! – удивился я. – А как вы попали в эти бескрайние степи?

И тут Александра Григорьевна начала свой жуткий рассказ, от которого я покрылся гусиной кожей. Даже виноватым себя почувствовал, напомнив старушке о пережитом прошлом.

– Я родилась где–то в Турции, в 1913 году, за два года до Геноцида армян, – с грустью заметила баба Шура. – Где именно – не знаю. Возможно, где–то в Сарыкамыше, так как меня нашли близ этого города русские солдаты. Я была истощенной и лежала укрытой одеялом среди десятков трупов. Возможно, среди убитых была и моя мама. На мне был серебряный крестик, который я храню до сих пор. Как мне рассказали, почти три месяца я была «дочерью полка». Затем, когда солдаты вернулись в российский предел, меня поместили в детский дом на Кубани. Военные, что вывезли меня, навещали, дарили подарки, привозили продукты. Я не чувствовала себя одинокой, как другие дети. Позже я поступила в пединститут. А по окончании, когда мне было 23 года, по распределению направили в Казахстан обучать грамоте аульских ребятишек. Здесь я вышла замуж, родила троих детей. С тех пор и живу в этом ауле.

– Что вы преподавали? – поинтересовался я, от чего баба Шура громко стала смеяться.

– Это в городе на каждый предмет свой учитель. А у нас в ауле в 30–

и 40–х годах один и тот же на все предметы. Все преподавала. От французского и русского языка до алгебры и пения. Вот сейчас в нашем ауле проживает три тысячи жителей, а в те годы было около 700 человек. Классы были маленькие. Детей не много. Справлялась со всеми предметами одна.

Столько воды утекло, а вспоминаю... Словно это было вчера. В отличие от Александры Григорьевны, мы пожили несколько годков в Казахстане и отбыли в Россию. Нам, городским жителям, тяжело приходилось в ауле. После того, как не стало бабы Шуры, деда моего Сократа, дяди Эдика и Томки, мы с мамой покинули Казахстан...

ЯБЛОНЕВЫЙ ГРАД

И вот я снова в Казахстане. Только на этот раз не на холодном севере, а на юге – бывшей столице Алматы. Прежде в этом городе бывать не приходилось, и мне всегда казалось, что если город называется Алматы (каз.: «Алматы» – «яблочный»), то он утопает в яблоках. Но нет. Может, когда–то и утопал, только сейчас Алматы – обычный симпатичный город советской постройки, окруженный горами. Климат не для гипертоников. Убедился на себе, несколько дней кряду приходилось сбивать у себя высокое давление кантоприлом. К тому же соседи по гестаузу попались замечательные. Одна из них, 28–летняя азербайджанка Ая, прибывшая в Алматы из Баку на сессию заочников Алматинского технологического университета, старалась вовремя напоминать мне о таблетке. Вечерами делала мне массаж головы и как–то уж совсем по–детски радовалась, что мне становилось легче.

– Видели бы твои земляки, как ты армянину помогаешь справиться с хворью, – пошутил я как–то.

Ая ответила:

– Да плевать я хотела, чего бы им там в голову пришло. Наша семья не клюет на пропаганду Алиева. Мои родители дружили с армянами, когда они еще жили в Баку. Не люблю этот город. Подумываю даже остаться здесь после окончания учебы. Алматы проще. Здесь много разных народов, и никто не парится, кто какой национальности.

Казахстан и впрямь одна из немногих бывших советских республик, сохранившая традиции мультикультурализма. Здесь одинаково используются казахский и русский языки, также языки других нацменов – немецкий, уйгурский, дунганский и т.д. Запросто можно встретить на улицах Алматы толпу молодых казахов, говорящих между собой на добротном русском языке. И так было всегда. Может, по этой причине главами республики в советский период были не только казахи, но и русские, украинцы. А начало этому дал первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, уроженец Шуши Левон Мирзоян.